

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД:
ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И КОНТЕКСТ
VERBAL ASPECT:
GRAMMATICAL MEANING AND CONTEXT

Под редакцией
Розанны Бенаккьо

2015
Verlag Otto Sagner
München – Berlin – Washington/D.C.

АСПЕКТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ
В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ*

In this article the verbal nouns in the field of their aspectual potential in Russian, Polish and Ukrainian languages is researched. The entire quantitative analysis of productivity morphemic marked manners of verbal action concerning verbal nouns was provided. The transposition of a verb into a noun is started to be able to differ the shades of meanings of the intensity, multiplicity, duration, phases, quantitative-temporal limit. The relation of verbal nouns demonstrates that the only semantic feature which flatly would not coincide with the noun form, prevents the transposition of a verb into a noun, or is being lost in the course of nominalization – is the presence of a quantitative-temporal limit of the action denoted in the verb's semantics.

1 Вступительные замечания

Отглагольные имена действия в русском, украинском и польском языках, как и все имена существительные, имеют грамматическое значение субстанциональности, стандартный набор грамматических категорий и синтаксических функций, но, в то же время, сохраняют ряд грамматических дифференциальных признаков мотиватора. Гибридный характер имен действия порождает ряд вопросов: является ли девербатив глагольной формой, какие глагольные категории сохраняет, а какие утрачивает, как влияет редукция глагольности на функциональные свойства имени. Особый интерес представляют сохранение и репрезентация отглагольным именем семантических признаков, составляющих семантическую категорию аспектуальности: как в словаре, так и в речи имя действия в исследуемых языках обнаруживает аспектуальное небезразличие. Проблема аспектуальности имен действия изучалась в целом ряде работ (Падучева 1991; Анна А. Зализняк 2007; Чалельская 2003). Глагольность украинских девербативов была предметом исследования в исследованиях (Ращинская 1968; Юрчук 1975; Марван 1992). Особенности репрезентации глагольных признаков в польских отглагольных дериватах рассматриваются в работах (Grzegorzczkova, Puzynina 1979; Grzegorzczkova 1995; Jędrzejko 1993; Vetulani 2000) и др. Однако целый ряд вопросов пока остается без ответа, в частности, каков «аспектуальный минимум» и «аспектуальный максимум» отглагольных имен действия в разных языках, есть ли такие аспектуальные значения, которые категорически не совмещаются с категориальной семантикой имени существительного и как это влияет на продуктивность глаголов по отношению к именам действия.

Исчезновение формальных показателей не всегда происходит синхронно с изменениями семантическими: «асимметрия в образовании русских отглагольных существительных [...] не является аргументом против наличия в составе номинализации AspP и не открывает путь к объяснению [...] семантических особенно-

* Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-1348.2012.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

стей существительных» (Пазельская, Гатевосов 2010: 373). О том, насколько аспектуальная семантика сильна, свидетельствует тот факт, что не только в именах действия, но даже в именах деятелей сохраняются аспектуальные оттенки: «У имен деятелей выделяются семантические признаки, близкие к видо-временным глагольным значениям (варианты словообразовательного значения)» (Шмелев 1984: 17-18).

Выбор названных языков не случаен. Польские и украинские имена действия более «глагольны», чем русские: они гораздо регулярнее образуют видовые пары и в некоторых грамматиках включаются в парадигму глагола. Простая иллюстрация русскому слову *повторение* соответствуют две украинские лексемы: *повторення* – *повторювання*. Их употребление в соответствующих значениях – результативности и процессуальности – желательно (*триває повторювання* – *відбулось повторення*), но не всегда обязательно. В польском мы имеем уже 4 формы, учитывая залоговые: *powtórzenie* – *powtórzenie się* – *powtarzanie* – *powtarzanie się*, – и их употребление в соответствии с видовой (и залоговой) семантикой носит гораздо более обязательный характер. В самом общем виде разницу между девербативами в исследуемых языках можно сформулировать следующим образом: в русском языке образование имен действия, во-первых, нерегулярно (пары-«рудименты» типа *выздоровливание* – *выздоровление* составляют менее 15% всех отглагольных имен действия), во-вторых, сопровождается утратой важных семантических компонентов. В украинском языке девербативы более «глагольны», чем в русском, и образуются значительно регулярнее – таких пар уже более 50%. В польском языке большинство глаголов (но не все!) могут быть номинализированы, при этом большая часть их категориальных значений сохраняется. И если по отношению к русским отглагольным существительным корректно говорить о «следах видовой семантики» (Бондаренко 1992: 15), то польские имена действия в некоторых грамматиках включаются в парадигму глагола. Поскольку нас интересует степень сохранения глагольной семантики, рассмотрим вопрос подробнее.

Тривиальным является факт, что русские отглагольные существительные практически утратили формальные видовые показатели – и как следствие, функциональную дифференциацию по виду. Из 5500 русских отглагольных имен¹ только 414, по нашим подсчетам, сохранили формальные коррелятивные видовые пары типа *накапливание* – *накопление*, при этом в речи такая дифференциация – большая редкость и является скорее исключением.

В украинском языке ситуация иная: по данным Г.Н. Ращинской, более половины корпуса украинских отглагольных имен сохранили формальную и семантическую коррелятивность с обоими членами видовой глагольной пары (*вивчення* – *вивчення*) (Ращинская 1968). И хотя украинские грамматики не относят имена действия к парадигме глагола, не выделяют категории вида у отглагольных существительных, в любом современном учебнике по научно-технической или деловой речи обязательно найдутся рекомендации по употреблению отглагольных существительных – в соответствии с видом мотивирующего глагола, как-то: «Коди

¹ Материал для исследования получен методом сплошной выборки русских отглагольных имен действия из *Словаря современного русского литературного языка в 17 т.* (БАС) и из *Словаря русского языка в 4-х томах* (МАС). Корпус украинских девербативов составлен на основе *Словника української мови в 11 томах*. Польские девербативы были выбраны из следующих словарей: *Мовник języka polskiego*, *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*.

ідеться про сприймання як процес, що ще не закінчився, вживають термін, який походить від дієслова недоконаного виду – *сприймання*, коли ж характеризується процес у цілому, як цілісне явище, віддають перевагу іменникові *сприйняття*» (Пешийвода 1996) – то есть речь идет, по сути, о последовательной дифференциации парных deverбатов по видовому показателю. Однако даже у самого образованного носителя украинского языка не всегда есть возможность выбора, поскольку часто у deverбатива нет парного образования, например: *відцвітання* – действие по значению глагола *відцвітати* (НСВ) – соотносительной пары нет, поэтому deverбатив употребляется в любом аспектуальном значении: *Завдяки сріблясто-сізому забарвленню листків рослина зберігає декоративність після відцвітання суцвіть = ...після того, як суцвіття відцвіли* (СВ) – *Відцвітання суцвіть молодої рослини триває довшо, 5-7 днів = ...суцвіття відцвітають* (НСВ) (режим доступа: <http://www.agrowest.com.ua>).

В польском языке, как известно, отглагольные имена сохраняют больше глагольных значений: вид, залог, возвратность, основное управление, способность иметь обстоятельство. Их прагматические параметры выражены менее ярко: поскольку deverбативы в польском языке регулярнее, чем в русском, они более привычны, более «нормальны» в речи, чем соответствующие образования в русском языке, ср.: *Kto wydał rozkaz strzelania?* – *Kto przykazał strzelać?* – **Kto odдал приказ стреляния (стрельбы)?*; *Biegliśmy, aż do wyschnięcia* – *Мы бежали, пока не высохли.* – **Мы бежали аж до высыхания.*

В связи с таким различием в образовании и употреблении deverбативов в исследуемых языках, представляется важным следующее. Согласно новейшим сопоставительным исследованиям семантики и функционирования глагольного вида, грамматическое содержание совершенного вида в западных и восточных славянских языках отнюдь не идентично: в западославянской подгруппе основным значением совершенного вида является простое понятие целостности, в восточнославянской – значение временной определенности². К этому выводу приходит С. Дики (Dickey 2000). Схожая идея высказывается в работах амстердамской аспектологической группы под руководством А. Барентсена, а также в исследованиях Р. Бенаккио: анализ поведения разных групп славянских языков при выражении повторяемости действия указывает на «экспансию» совершенного вида в западославянских языках по сравнению с восточнославянскими (Barentsen 2011; Benacchio, Pila 2011). Это означает, что, несмотря на общую историю формирования этой глагольной категории, семантическое пространство совершенного вида в западославянских языках шире, чем в восточных. Возможно, это интересное наблюдение имеет непосредственное отношение к интересующему нас вопросу об отглагольных именах, ведь именно в западославянских языках имена действия имеют практически регулярную соотносительность по виду. Возможно, что целостность не препятствует образованию имен действия, в то время как временная определенность оказывается несовместимой со стабильным во временном плане характером существительных. Поскольку выяснение столь тонких семантических различий между видовыми зна-

² Вслед за А.В. Бондарко мы понимаем целостность как представление действия вне членения на фазы, без выражения внутренней динамики его протекания во времени (Бондарко 2011: 360-367), а временную определенность – как ограниченность действия пределом, акцентирование временной границы проявления действия (в этом смысле временная определенность, по всей видимости, соотносится с понятием количественно-временного предела действия).

чениями в родственных языках – это задача скорее перспективная и, по всей видимости, требующая совместных усилий целой группы исследователей, то в этой статье мы ставим перед собой более скромную цель: выяснить, какой глагольный аспектальный семантический признак не сочетается с категориальной формой существительного и препятствует транспозиции глагола в имя действия, а также показать, что, несмотря на столь разную степень сохранения видовых показателей, аспектальные характеристики русских, украинских и польских имен действия имеют больше сходств, чем различий.

В составе категории аспектальности выделяются семантические признаки кратности, длительности, интенсивности, фазовости, лимитативности, перфектности, а также различия между собственно действием (акциональность), состоянием (статальность) и отношением (реляционность) (Бондарко 1987). Одним из важных средств формирования аспектальной семантики в русском языке являются аспектальные разряды – способы глагольного действия. Принимая в целом семантическую интерпретацию аспектальных разрядов глаголов (Маслов 1984; Бондарко, Буланин 1967; Шелякин 1983), мы в данном случае сосредоточили основное внимание на морфемно-характеризованных способах действия, поскольку это позволяет более строго соотнести аспектальные значения с формальными средствами их выражения.

Семантика способов действия – это существенный признак семантической структуры deverбатов, который до сих пор мало учитывался при исследовании отглагольных имен. Но даже по самым скромным подсчетам от глаголов морфемно-характеризованных способов действия в русском языке образовано более 2000 существительных со значением действия! В польском и украинском их количество еще больше. Это представляется достаточным основанием для того, чтобы принять во внимание этот уровень аспектальной семантики при анализе deverбатов. Анализируя отглагольные существительные, мы опирались на классификацию способов действия, предложенную М.А. Шелякиным (Шелякин 1983). В качестве дополнительных привлекались также классификации, представленные в работах Русская грамматика 1980, Маслов 1984, Авилова 1976, Шелякин 2001.

Вначале были выделены классы имен, мотивированные глаголами определенных способов действия, а затем полученные группы были объединены по преобладающему семантическому признаку (интенсивности, длительности, фазовости, предельности, кратности). Далее мы сопоставили полученные аспектальные группировки отглагольных имен действия и соответствующие глагольные разряды, установив таким образом словообразовательные лакуны и объединяющий их семантический признак. Для достижения максимальной объективности результатов был проведен сплошной количественный анализ русских глаголов морфемно-характеризованных способов действия с точки зрения их продуктивности по отношению к именам действия. Данные польского и украинского языков привлекаются преимущественно в сопоставительном аспекте.

2. Интенсивность

Мы исходим из понимания интенсивности как количественного изменения признака. Диапазон этого компонента количественной аспектальности – в отглагольных именах действия достаточно широк: от неполноты, ослабленности действия «агге

нуативных» имен (*подкрашивание*) до высокой степени проявления признака в «усилительно-интенсивных» (*разгул*). Мы расположили соответствующие именные группировки по мере возрастания в них степени проявления рассматриваемого признака. Самая слабая степень интенсивности выражается глаголами аттенуативного способа действия. Как выяснилось, от них регулярно образуются имена действия во всех исследуемых языках: рус. *приостанавливание, надкальвание, замывание, подкрашивание, насвистывание* (более 100 единиц), укр. *надколювання, надрізання, замивання, підкормка*; пол. *nagranie, pogwizdywanie, podkarmiacz* и под.

Большая степень интенсивности выражается в глаголах интенсивно-усилительного способа действия. От них образуется уже существенно меньшее количество имен, например, в русском языке их около 20: *разрабатывание – разработка (проекта), разогревание – разогрев* и т.д. Аналогичные девербативы в небольшом количестве представлены в польском и в украинском языках: *rozpalka, rozpalanie; rozrobляння, розробка, розпитування, розкурювання* и под.

От глаголов с высокой степенью интенсивности – интенсивно-процессного и усиленно-интенсивного способов действия – в русском языке образуется лишь несколько имен действия: *выспрашивание, выпытывание, выпрашивание, вымучивание, вымаливание, выклянчивание, раскуривание – раскурка (костра, огня), раскачивание, раскачка, разгул, разгулье* и под. Сходные образования единичны и в сопоставляемых языках: пол. *dowiadywanie się, wywiadywanie się; rozmach, wumach, rozpalenie*; укр. *виторговування, виговорювання, вивідування*; укр.: *розпал, розпалювання, розігрів, розкурювання, розкурка* и некоторые другие.

Крайняя степень интенсивности выражается в длительно-усилительном, интенсивно-качественном и чрезмерно-интенсивном способах глагольного действия. От них имена действия не образуются ни в одном из исследуемых языков: *растанцеваться – ∅, розтанцюватися – ∅, rozdyskutować się – ∅, належаться – ∅, набігатися – ∅, nasiedzieć się – ∅*.

Показатели словообразовательной активности глаголов интенсивных способов действия во всех исследуемых языках представлены в Таблице 1.

Аспектуальная семантика (в порядке усиления признака интенсивности)	Процентное соотношение глаголов и производных имен	Примеры глаголов: рус. / укр. / пол.	Примеры отглагольных имен действия
Аттенуативные	95-100%	приостановить надколювати podkarmiać	приостановка надколювання podkarmianie
Интенсивно-процессные	75-80%	выклянчить вивідувати wywiadywać się	выпытывание вивідування wywiadywanie się
Интенсивно-усилительные	45-50%	раскурить розпарити rozpalać	распаривание розробляння rozpalanie
Усилительно-интенсивные	13-15%	разлетаться распрыгаться розмахатися rozmachać się rozdyskutować się	разлет – розмах – rozmach –

Длительно-усилительные	0%	дождаться dowolac się	—
Интенсивно-качественные	0%	наголотаться nagolodуваться nasiedziec się	—
Чрезмерно-интенсивные	0%	уездиться ukocитися	—

Таблица 1

Расхождения по трем языкам оказались незначительными (до 5%) и не повлияли на общую тенденцию. Количественное сравнение выделенных классов существительных с соответствующими глагольными группировками показывает, что уровень словообразовательной активности соответствующих глаголов находится в прямой зависимости от степени проявления данного значения: чем выше интенсивность глагольного способа действия, тем ниже продуктивность глагола по отношению к девербативам. Определенную роль здесь, вероятно, играет тот факт, что параллельно с увеличением степени интенсивности усиливается эмоционально-экспрессивная окраска. Однако, как кажется, здесь возможно и другое объяснение: вместе с ростом интенсивности усиливается семантика количественно-временной предельности, доходя до максимума в интенсивно-качественных, чрезмерно-интенсивных и длительно-усилительных способах действия.

3. Кратность

Кратность – компонент количественной аспектуальности – реализуется в результате взаимодействия двух значений – однократности и многократности. Согласно А.В. Бондарко (Бондарко 1987) многократность может выступать в трех разновидностях: мультипликативной, дистрибутивной и итеративной, которые отличаются рядом признаков. Мы предположили, что разные виды кратности могут вести себя по-разному при номинализации глагола.

Мультипликативная неоднократность (ограниченное или неограниченное предельное монотемпоральное множество повторяющихся микроситуаций, в которых задействованы одни и те же участники) характерна для классов имен действия, образованных от глаголов прерывисто-смягчительного (*поплясывать*), процессно-комитативного (*подыгрывать*), процессно-длительного (*разгуливать*), осложненно-интенсивного (*вызванивать*), длительно-взаимного (*перешептываться*) способов действия³. Каких-либо ограничений на их образование в исследуемых языках мы не обнаружили, имена свободно образуются от большинства таких глаголов (рус. *поплясывание, подсвистывание, разгуливание, вызванивание*, пол.: *popiskiwanie, podrygiwanie, przygwizdywanie, wzywaniwanie*, укр.: *постукування, роз-*

³ Мультипликативная неоднократность может быть также представлена как ограниченное предельное множество ситуаций (*попрыгать, застучать*). Это значение релевантно для начинательных и длительно-ограничительных глаголов, образованных от исходных многоактных. В русском языке такие глаголы не мотивируют имен действия (в польском и украинском ситуация аналогична), и значение мультипликативной неоднократности, ограниченной предельное, может выражаться только средствами контекста: *После некоторого колебания он сказал твердо, но по дружески* (М. Филиппов) (= *поколебавшись немного...*); *Вдруг в окне раздался стук, такой громкий и необычайный, что Савелий побледнел и присел от испуга* (А.П. Чехов) (= *Вдруг в окно застучали...*).

курювання, підтанцювання, видзвонювання и т.д.). Длительно-взаимное значение в польском языке передается другими средствами, а вот в русском и украинском есть и глаголы, и имена с такой семантикой: рус. *пересмеивание, пересвистывание, перешептывание*; укр. *перешіптування, перештовхування, перешушуквання* и под.

Другим семантическим типом неоднократности является дистрибутивная неоднократность (монотемпоральное множество повторяющихся микроситуаций, в каждой из которых задействованы различные единичные представители совокупного актанта). Существенным для нас отличием этого типа от предыдущего является обязательное (имплицитное или эксплицитное) присутствие признака ограниченности пределом, то есть пересечение с полем лимитативности. Обнаружилось, что состав группы имен, образованных от дистрибутивных глаголов, определяется степенью выраженности признака ограниченности пределом. Так, для глаголов с приставками *раз-* и *об-* (пол. *roz-, ob-*) релевантны предельность в потенциальной форме и наличие признака процессуальности. Видимо, такое сочетание признаков оказалось вполне приемлемым для номинализации глагола: в русском языке имеется около 60 соответствующих имен с дистрибутивно-суммарным значением: *разбрызгивание (во все стороны), рассылание (во все концы), обдаривание, обшаривание, обход, опрашивание, объезд* и пр. В польском и украинском языках предельность в потенциальной форме также не запрещает образование deverbativov: пол. *rozestanie / rozsyłanie, obdarzenie, obchód*; укр. *обдарування, розсилання* и т.д.

При этом от дистрибутивно-суммарных глаголов с префиксом *по-* и *пере-* deverbativov в русском, польском и украинском языках не образуются⁴ (хотя сама глагольная модель чрезвычайно продуктивна). Мы полагаем, причина в том, что глаголы типа *пострелять (всех птиц), перецеловать (всех девушек), wystrzelać, rowspomiąć, wysłaować; позагадувати, перецілувати* и подобные им эксплицитно предельны, лишены признака процессуальности и обозначают конечное множество повторяющихся ситуаций. Итак, дистрибутивно-суммарные глаголы обнаруживают различную продуктивность по отношению к именам действия в зависимости от характера признака предельности в их семантической структуре.

Класс имен, мотивированных кумулятивными глаголами (*надарить (подарков)*), также является пустым – в исследуемых языках не обнаружено ни одного соответствующего deverbativa (хотя, например, в русском языке этих глаголов насчитывается почти 200 единиц): *накосить (травы) – *накошение, настирать (белья) – *настирание, наделать (посуды) – *наделание* и т.д. Сравните также: пол. *naprać – ∅, nanieść – ∅, nasprzązać – ∅*, укр. *накосити – ∅, надавати – ∅* и т.д.

От русских глаголов тотального способа действия (их около 200) образовано более ста имен действия: *изукрашивание, израсходование, изнашивание, изрисовывание, изувечивание, вытаптывание* и т.д. достаточно продуктивна эта модель в польском и украинском языках: пол. *zarysowanie, okaleczenie*; укр. *витоптування, витруювання* и под. Характерно, что имена действия образуются только от

⁴ Показательно, что процессно-результативные лексико-семантические варианты (далее ЛСВ) таких глаголов с легкостью мотивируют deverbativov: *побуждение (к действию, но не *побуждение всех соседей), порез (пальца, но невозможно *порез всех кур), подавление (восстания, но не *подавление всех комаров)* и т.д.

глаголов, способных образовывать имперфективные формы, то есть содержащих признак предельности в потенциальном виде.

Таким образом, реализация в именах дистрибутивной неоднократности возможна только при условии имплицитного потенциального характера признака предельности мотивирующего глагола. В качестве фактора, ограничивающего реализацию семантического признака кратности в девербативах, выступает тип отношения кратного действия к пределу: девербатив может выражать неопредельное повторение действий или содержать признак предельности в потенциальном виде (в качестве стремления действия к достижению предела). Реальный тип количественно-временного предела кратного действия является для них нерелевантным. В наибольшей степени это ограничение касается дистрибутивного типа неоднократности, так как в нем ограниченность пределом выступает наиболее явно.

4. Длительность

Семантический признак длительности может иметь имплицитный и эксплицитный характер, выражаться внутренними и внешними (контекстуальными) средствами. Нас интересует внутренняя длительность, внешняя же учитывается лишь постольку, поскольку в ряде случаев сочетаемость с детерминантами является маркером определенной аспектуальной структуры. Неопределенная разновидность этого признака представлена в тех случаях, когда временная протяженность по своим признакам явно не характеризуется. Такая длительность свойственна, например, рассмотренным выше именам действия с итеративной семантикой, в которых она является одновременно прерывной и пересекается с полем кратности. Что касается выражения именем семантики определенной длительности, то здесь обнаруживаются существенные отличия имени от глагола. Остановимся на этом подробнее.

Класс имен, образованных от глаголов чрезмерно-длительного и чрезмерно-продолжительного способов действия (чрезмерная частотность или продолжительность действия, в результате чего объект приобретает отрицательно оцениваемое состояние), в исследуемых языках немногочислен – всего лишь несколько единиц: рус. *загляденье, застаивание, засиживание*; пол. *wycieńczenie, wyczerpanie, zapatrywanie, zależywanie*; укр. *виснаження, знос, знемога, застій* и некоторые другие. Характерно, что другие ЛСВ таких глаголов более продуктивны, например: *заговаривание* (начинательное и чрезмерно-продолжительное значение *заговорить*), *заигрывание* (чрезмерно-продолжительное значение *заиграть*), *застирывание* (аттенуативное и чрезмерно-продолжительное значение *застирать*) и т. д.

Группа имен, мотивированных глаголами пердуративного (длительно-ограничительного) способа действия, представлена буквально единичными существительными (в отличие от соответствующих глагольных разрядов, насчитывающих исследуемых языках от 400 до 500 лексем): рус. *перезимовка, перезимовывание, передержка (проф.), отслуживание, отгуливание (положенного времени), отбывание – отбытие (срока)*; пол. *przestój, odbywanie, odsiadywanie, odsiadka*; укр. *простій, відбування, відгул, відгулювання, відсиджування*. Отличительным признаком этих немногочисленных девербативов с пердуративным значением (в сравнении, например, с качественно-оценочными) является сочетаемость с обстоя-

ительствами ограниченной длительности: *двухдневный простой, трехлетняя отработка* (сравните невозможность сочетания: **двухдневный проход* и пр.).

Класс имен, образованных от делимитативных глаголов с префиксами *по-, про-, при-, вз-, пере-*, оказался пустым: анализ русских глаголов с ограничительным значением, для которых оно является единственным (как *позубрить, покипеть*), показал, что имена действия от них не образуются⁵. В украинском языке сходная ситуация: есть несколько девербативов (*посидінки, посидіння, посиденьки, посидіннячко, посідання, посідки, перекус, перекуса, перекушування*), которые формально соотносятся с делимитативными глаголами, однако практически не сохраняют этого аспектуального значения, именуя целостную ситуацию. В польском языке соответствующих коррелятов мы вообще не обнаружили (ср., например: *posiedzieć, potaćczyć, potrzymać* – имен действия нет), и даже привычное *перекур* передается словосочетанием *przerwa na papierosa*.

Классы имен, образованных от глаголов стативного, финально-отрицательного и сверхнормативно-длительного способов действия в русском, украинском и польском языках отсутствуют, ср.: рус. *доплакаться – ∅, долежаться – ∅, проволочить – ∅, прозвенеть – ∅, вычихаться – ∅, натиться – ∅, нагруститься – ∅*; пол. *doigrać się – ∅, wyspać się – ∅, odpaść się – ∅, nasiedzieć się – ∅, najeść się – ∅*; укр. *догратися – ∅, продзвонити – ∅, настоятися – ∅, настрибатися – ∅*.

Таким образом, специфика отглагольного имени в выражении значений длительности обнаруживается в области пересечения семантических признаков длительности и лимитативности: имя действия практически не способно внутрисловно выражать семантику внутренней длительности, ограниченной реальным пределом.

5. Фазовость

Хотя можно утверждать, что «любой способ глагольного действия имеет отношение к выражению фазового предела или фазового значения» (Соколов 1997: 129), для удобства анализа мы рассмотрим только те девербативы, которые мотивированы глаголами специализированных фазовых способов действия.

Анализ лексико-грамматической семантики всех девербативов с начинательным значением позволяет нам утверждать, что в данном случае играет роль тип начинательного значения: эволютивный и неэволютивный (Бондарко 1987: 185-186). В эволютивном присутствует начальный переходный период, имеющий определенную протяженность, в течение которого идет постепенное накопление свойств, ведущих к появлению качественно новой ситуации (*зацветать*), характер предела – потенциальный (как направленность действия на его достижение). Неэволютивное (контактное)⁶ значение начинательности – это только сам момент появления действия, которое до этого не имело места: *запрыгать* (обозначает реальный предел действия).

⁵ Аналогичные словообразовательные последствия дает сочетание указанного значения с дистрибутивно-суммарным (*попугать – немного, всех детей* – девербатива нет; *помотать – все нитки, немного* – девербатива нет, и т. д.). 40 глаголов с *по-*, которые совмещают с ограничительным другие аспектуальные значения, образуют имена действия с общезерезультативными, конструктивными и другими значениями: *погашение, погрешение, погром, погрузка, порез, порезка, построение* и т. д.

⁶ Неконтактное неэволютивное значение (первые признаки начала действия в эволютивной фазе или начальная фаза однородного действия) в русском языке выражается только аналитически (Бондарко 1987: 186), например: *Тюльпаны начали зацветать в конце марта*.

наличием инхоативного признака, значением эволютивности, то есть действие находится в конечной стадии существования, на протяжении которой происходит накопление определенных свойств, приводящих к прекращению действия, значение предела – потенциально): рус. *отцветание, отжигание, отмирание*, укр. *відцвітання, віджигання, відмирання*. В отличие от них, глаголы финитно-комплетивного способа действия обязательно содержат процессуальный признак, значение еще длящегося действия в конечной стадии его осуществления (НСВ), или уже завершенного (СВ), но обязательно процессуального. Видимо, поэтому от них гораздо регулярнее образуются имена действия (в русском языке около 50 единиц, в украинском – больше 80-ти лексем, в польском – больше 100): рус. *допевание, допиливание, донашивание*; пол. *dobijanie, doginanie*; укр. *довершення, доживання* и под.

Итак, лексико-грамматическое выражение фазовости в девербативах имеет свою специфику и значительно уже, по сравнению с возможностями глагола, в этой области значений. В отглагольных именах сохраняются только эволютивные начинательные значения, включающие семантический признак процессуальности. Это утверждение косвенно подтверждается и тем фактом, что русские глаголы, не маркированные начинательными приставками, но лексически выражающие контактное неэволютивное значение (*хлынуть, ринуться*), не образуют девербативов (в отличие, кстати, от близких по значению моментативов *оговориться, ушибиться, рвануться* и т.д.). Аналогично не мотивируют имен глаголы со значением абсолютного фазового предела *разбиться* (в значении «погибнуть»), *рухнуть* (в то же время, эволютивные глаголы с таким значением могут выступать в качестве мотиватора: *умирать – умереть – умирание*).

Таким образом, определяющим фактором является характер признака предела. Имя действия способно наследовать от производящего глагола только эволютивное фазовое значение с потенциальной предельностью. Неэволютивные фазовые глаголы выражают реально предельное действие, а потому не образуют девербативов, или их фазовая семантика нейтрализуется при номинализации.

6. Лимитативность

Ограничение действия пределом в сфере глагола может иметь различный характер: внутренний или внешний, имплицитный или эксплицитный, реальный или потенциальный. Особый интерес представляет для нас классификация содержательных типов предела, так как они реализуются в различных способах глагольного действия:

- а. результативный предел;
- б. количественно-временной предел (временная граница определенной длительности действия, временная граница начала или конца действия, крайняя граница интенсивности, продолжительности или повторяемости);
- в. одноактный предел (действие совершается в один прием с минимальной длительностью).

Результативный тип предела действия реализуется в глаголах специально-результативных способов действия. Практически все глаголы этих способов дей-

ствуют (с оттенком финитности), *откупание – откуп* (*покупать что-либо*), *отзвук* (*отражение звука*) и т.д.

ствия без ограничений образуют deverбативы. Например, русских имен действия с результативно-аннулирующим значением насчитывается более 200 единиц (*организация – дезорганизация, откупоривание – закупоривание, кодирование – декодирование*). Польские и украинские deverбативы также образуются без ограничений: пол. *demaskowanie – zdemaskowanie, odkorkowywanie, rozbrojenie*; укр. *демаскування, роззброєння, відкорковування* и т.д. Свободно образуются имена действия от глаголов комплетивно-партитивного, отделительно-партитивного, недостаточно-нормативного, чрезмерно-нормативного, качественно-оценочного и других специально-результативных способов действия: рус. *присаливание, дозаправка, отвоевание, надвязывание, пересаливание*; пол. *dopisywanie, odpruwanie, przekarmianie*¹¹, *przeliczenie, wytoczenie*; укр. *доочищення, підгризання, перекоорм, недоїдання, виточування*. Отглагольные имена действия способны актуализировать все типы результативного предела действия: реальный и потенциальный, эксплицитный и имплицитный. Семантический признак результативного предела действия является релевантным для именной формы выражения действия и легко транспонируется в deverбативы.

Второй содержательный тип предела – одноактный. Класс имен, образованных от русских глаголов одноактного способа действия, является немногочисленным – около 30 единиц (*гребок, замах, взмах, зевок, пинок* и пр.) – одноактность значительно реже, чем в глаголе, маркируется внутрисловно. Тем не менее, при наличии формальных показателей (суффикса *-ок* в бесприставочных или нулевого суффикса в префиксальных deverбативах, чаще – с префиксом *вз-*) они обозначают только одноактное действие. Этот разряд deverбативов, в общем, можно считать уникальным в том отношении, что именной суффикс аспектуально маркирует именное действие, причем совершенно однозначно (слово *кивок* или *хлопок* в форме единственного числа не может обозначать кратное повторяющееся действие ни при каких условиях). В форме множественного числа эти deverбативы актуализируют многократно повторяющееся неопредельное действие (*хлопки, кивки*) и это значение в общем сопоставимо со значением парных многоактных имен действия (*хлопанье, кивание*), но в первом случае более явно выражен признак дискретности повторяющихся действий. В польском и украинском языках одноактность также без заметных ограничений может выражаться в deverбативах, которых, впрочем, тоже немного: *ziewanie – ziewnięcie, machanie – machnięcie, klaskanie – klaśnięcie, ковтанння – ковток, махання – помах* и т.д.

Существует и третий тип предела действия, который М.А. Шелякин (Шелякин 1983: 163) называет количественно-временным, так как он указывает на количественно-временную границу действия. Именно он является тем глагольным признаком, который вступает в противоречие с формой имени существительного и транспонируется в имя только в потенциальной форме. Все содержательные типы реальной количественной эксплицитной предельности глагольного действия не допускают образования отглагольного имени или полностью нейтрализуются при номинализации: соответствующие классы отглагольных имен оказываются пустыми. Это уже рассмотренные нами 1) временная граница определенной длительности действия, присутствующая в структуре стативного, финально-отрицательного, чрез-

¹¹ Недостаточно-нормативное значение в польском языке передается другими средствами (*nie-wystarczające solenie, brak*).

ских имен действия более 200 единиц (*оркодирование – декодирование*; укр. *демаскування*; польск. *odpruwanie, demaskowanie, dezincyzacja, przekormienie*); 2) временная граница начала или конца действия, релевантная для финитных и начинательных способов действия, 3) крайняя граница интенсивности, содержащаяся в семантике чрезмерно-интенсивного и длительно-усилительного способов действия, 4) крайняя граница повторяемости действия, характерная для кумулятивного, дистрибутивно-суммарного, чрезмерно-интенсивного способов действия.

7. Краткие выводы

Установленные ограничения на образование имен действия в исследуемых языках касаются, прежде всего, невозможности образования имен действия от глаголов, содержащих семантический признак количественно-временного предела действия. Мы думаем, это явление обусловлено влиянием категориального значения существительного – субстанциональности, для которого результативные семы являются более релевантными, чем количественно-временные признаки, так как имя генетически не связано с временными параметрами.

имен, образованных немногочисленным – одноактность значительнее, при наличии или нулевого м (вз-) они обозначают в общем, можно считать лексикально маркирующим кивок или хлопок в повторяющемся действии (хлопки, кивки) многоактных имен выражен признак в русском языке одноактности в девербативах, как *machanie – machnięcie*, т.д.

Шелякин (Шелякин) указывает на количественный глагольный признак совершенного и трансформационные типы реального действия не допускаются при номинации длительности действия, чрез-

Для более точных выводов, безусловно, необходим дополнительный содержательный и количественный анализ. Однако даже предварительные результаты оказались весьма показательными: несмотря на сохранение у польских и украинских имен действия видовой оппозиции, в этих языках действует такое же довольно жесткое категориальное ограничение на их образование, как и в русском: глаголы, внутрисловно выражающие реальный количественно-временной предел действия, не мотивируют девербативов. Этот результат, как кажется, отчасти коррелирует с приведенными в начале статьи выводами С. Дики и А. Барентсена о разнице в значениях совершенного вида в западно- и восточнославянских языках. И хотя в настоящем исследовании «за кадром» остался ответ на вопрос, почему в украинском и польском языках гораздо более регулярны «видовые» пары отглагольных имен, есть основания предполагать, что причина кроется в более мягких семантических границах совершенного вида в этих языках, по сравнению с русским (в особенности это касается польского языка) и, возможно, большей выраженности значения временной определенности в русском языке. Наши данные свидетельствуют о том, что не только все славянские, но и восточнославянские языки не образуют монолитной – в отношении семантики вида – группы; этот факт позволяет предположить, что намеченное С. Дики противопоставление двух групп славянских языков по семантике вида целесообразно интерпретировать не как бинарную оппозицию, но как серию градиционных переходов от наиболее жестких границ семантики совершенного вида (русский язык) к наименее жестким (польский и другие западнославянские языки).

Литература

- Бондарко, А.В., Буланин, Л.Л. 1967. *Русский глагол*. Ленинград.
 Бондарко, А.В. (ред.) 1987. *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Ленинград.
 Бондарко, А.В. 1992. К вопросу о соотношении универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений. *Вопросы языкознания* 3, 5-20.

ругими средствами (*nie-*

- Бондарко, А.В. 2011. *Категоризация в системе грамматики*. Москва.
- Зализняк, Анна А. 2007. Связь отглагольных существительных на -ние, -тие с глагольным видом. In: Николаева, Т.М. (ред.): *Terra balcanica. Terra slavica: К юбилею Т.В. Цивьян*. Москва, 43-51.
- Марван, І. 1992. Статус українських дієслівних субстантивів і дієприкметників. *Мовознавство* 2, 3-7.
- Маслов, Ю.С. 1984. *Очерки по аспектологии*. Ленинград.
- Непийвода, Н.Ф. 1996. *Сам собі редактор*. Киев.
- Падучева, Е.В. 1991. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте. *Научно-техническая информация*. Серия 2. Информационные процессы и системы 5, 21-28.
- Пазельская, А.Г. 2003. Аспектуальность и русские предикатные имена. *Вопросы языкознания* 4, 72-90.
- Рашинская, Г.Н. 1968. *Отглагольные имена существительные на -ния, -ення (-іння), -ття в современном украинском языке*. Львов.
- Соколов, О.М. 1997. *Основы имплицитной морфологии русского языка*. Москва.
- Татевосов, С.Г., Пазельская, А.Г. 2008. Отглагольное имя и структура русского глагола. In: Плуниан В.А., Татевосов С.Г. (ред.): *Исследования по глагольной деривации*. Москва, 348-380.
- Тихонов, А.Н. 1959. Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке. *Труды Узбекского ун-та*. Новая серия 95, 43-75.
- Шведова, Н.Ю. (ред.) 1980. *Русская грамматика*. Т. 1. Москва.
- Шелякин, М.А. 1983. *Категория вида и способы глагольного действия русского глагола*. Таллин.
- Шелякин, М.А. 2001. *Функциональная грамматика русского языка*. Москва.
- Шмелева, Е.Я. 1984. *Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ)*. АКД, Москва.
- Юрчук, Л.А. 1975. Про лексикографічне відображення віддієслівних іменників на -ння, -ття. *Мовознавство* 2, 12-20.
- Varensen, A., Genis, R., van Duijkeren-Hrabova, M., Kalsbeek, Ja., Lučić, R. 2011. О сходствах и различиях между русским, польским, чешским и хорватским языками при выборе вида в случаях «ограниченной кратности». *Тезисы III Конференции Комиссии по Аспектологии Международного Комитета Славистов*. Падуя, 13-14.
- Vepascchio, R., Pila, M. 2011. Выражение повторяемости действия в словенском языке (в сопоставлении с русским). *Тезисы III Конференции Комиссии по Аспектологии Международного Комитета Славистов*. Падуя, 14-15.
- Grzegorzczkova, R., Puzynina, J. 1979. *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego*. Warszawa.
- Grzegorzczkova, R. 1995. *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*. Warszawa.
- Dickey, S. 2000. *Parameters of Slavic Aspect: A cognitive approach*. Stanford.
- Jędrzejko, E. 1993. Nominalizacje w systemie i w tekstach współczesnej polszczyzny. Katowice. (www.lingwistyka.uni.wroc.pl/jk/JK-08/JK08-jedrzejko.pdf).
- Vetulani, G. 2000. *Rzeczowniki predykatywne języka polskiego*. Poznań.
- Великий тлумачний словник сучасної української мови*. 2007. Бусел, В.Т. (ред.). Киев.
- МАС. *Словарь русского языка*. 1981. Евгеньева, А.П. (ред.). Т. 1-4. Москва.
- БАС. *Словарь современного русского литературного языка*. 1948-1965. Бабкин, А.М., Бархударов, С.Г., Филин, Ф.П. и др. (ред.). Т. 1-17. Москва-Ленинград.
- Словник української мови в 11 томах*. 1970-1980. Білодід, І.К. (ред.). Т. 1-11. Київ.
- Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*. 1994-2005. Zgólkowa, H. (red.). Т. 1-50. Poznań.
- Słownik języka polskiego*. 1994. Szymczak, M. (red.). Т. 1-3. Warszawa.

Черкасы

Елена Э. Пчелинцева
pchele@gmail.com